

Сергей Лрудников

Родился в 1982 году в городе Кызыле. Окончил исторический факультет Красноярского педагогического университета. Жил в Красноярске, Петербурге. Журналист. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Юность». В настоящее время живет в Донецке.

Никогда

Рассказ

За стеклом замелькала в едином вихре серо-зелено-коричневая полоса, и они оторвались от земли.

«Оторвались, оторвались, оторвались!» – заплодировала Рита смело и громко, наплевав на условности, и кто-то сзади даже ее поддержал, захлопал в ладоши тоже.

«Оторвали-и-ись!» – Слезы текли по щекам.

Как назло (или по странной иронии), место ей досталось возле иллюминатора. Раньше бы радовалась: смотри, любуйся, земля, город, поля, леса, реки, – но не сейчас. Она отворачивалась, утыкалась глазами в спинку кресла, в затылки, в фигуры спящих бортпроводниц. Ее воротило от окна – даром что не взяла пакет.

«Прощай, немытая Россия!» – крутилось в голове знакомое с детства.

«Куда не вернусь я никогда» – а это тоже хрестоматийное или сейчас родилось?

Никогда, никогда, никогда – какое сладкое слово. Как хорошо, что оно есть. Берущее под крыло, защищающее. Спасительное, незыблемое.

Как хорошо, что есть этот самолет. Есть билет с пунктом назначения – Барселона. Есть другая система координат, другая параллель, другой язык, другой быт, другие люди, другая жизнь. Слезы катились не переставая.

«Покидаете близких?» – мог бы спросить кто-то.

«Нет, чужих. Уезжаю к близким».

Она не смотрела в окно, она не имела сил смотреть в окно, охватывать взором всю эту бессмысленную и беспощадную, никому не нужную, безликую ширь, которая ее едва-едва не съела, не сожрала без сожаления,

рыгнув напоследок и опорожнившись в гигантском зло-
вонном сортире в черную дыру.

Она чувствовала, что чем выше от земли, тем ей ста-
новится легче, будто она сбрасывает с себя груз, меш-
ки с тяжелой землей, что висели, крепко прикрученные
к ней по всей окружности пояса, мешая действиям, дви-
жениям, клоня к земле, погребая в итоге.

Вырвалась!

Так покидают стены темницы. Так бегут – здоровые,
молодые – из смердящей больнички, где оказались
по ошибке. Так уходят от вынужденных соседей – кро-
мешных, обоссанных пьяниц. Так покидают плацкорт
поезда, утомившись до смертельной головной боли
от дороги, попутчиков, самого поезда. Бесконечные (год
за годом) дни тряски – она приехала на таком пять лет
назад в Петербург из родного Хабаровска. Так идут на-
встречу любви...

За три дня до отъезда она познакомилась с Сергеем.
Точнее, он с ней. Чудо? Протянутая рука? Наивная!

Она даже поверила. Даже засомневалась. Даже допу-
стила мысль, готовая забыть и простить всю бессмысли-
цу, всю бесплодность, всю никчемность, все седые воло-
сы в свои двадцать семь. У нее даже глаза загорелись:
неужели так бывает? Неужели она ошибалась? Быть мож-
жет, она не туда смотрела, чего-то не видела, был затума-
нен взор? Знак свыше: остановись!

За три дня до отъезда она отправилась на пляж Петро-
павловки – попрощаться с камнями, которые дарили ей
успокоение в сложные моменты жизни в Петербурге. Тя-
гучее движение Невы, тишь, раскаленные на солнце бу-
лыжники... Она приходила и сразу тонула в небе и воде,
не в силах сдвинуться с места, переносясь всякий раз
на тот островок детства, где тоже были солнце, камни,
тишина и большая вода.

На этих камнях никто не обращал ни на кого внимания, и поэтому, когда ее позвали – «девушка!», она не услышала. Тогда ее тронули за плечо, и пришлось сфокусировать свое внимание: здесь кто-то есть?

– Вы лежите тут одна, такая красивая, – сказал он сверху, мягкий, как облако. – Я спешу. Но не хочется вас отпускать. Давайте я позвоню вам?

И сразу тучи – кудрявые и пышные – сорвались с мертвой точки и побежали куда-то. И испарился островок детства. И стало просто и хорошо. И почувствовалась целесообразность всего происходящего. И скорый отъезд странно отодвинулся во времени, перестав напоминать о себе.

Они встретились следующим вечером. В ее в паспорте ждал своего авиабилет, выпит был прощальный кофе с коллегой-подругой из маникюрного салона, белели пустотой оголенные стены съемной комнаты. Она оделась в темно-коричневое, подчеркивающее фигуру, расплела волосы – каштановые, легкие, обула черные босоножки с золотистыми ремешками; никаких каблучков: ей, высокой, хотелось сегодня быть маленькой.

Он опоздал, но ненамного. Редкий типаж: рост, стать, тонкие черты лица, шапка русых волос, ясные глаза. Где раньше ты был?

Оказалось – был в Москве. Завтра уезжает обратно. Театральный педагог – романтика! А она художник – тоже красиво. В родном городе побеждала на выставках. А потом переехала в Петербург и училась в художественной академии – знаменитой Мухе. А потом бросила и стала работать. Последнее место – маникюрный салон, где она рисовала на женских ногтях стилизованные произведения искусства в миниатюре: Поленов, Ван Гог, Ренуар...

Собственно, она все понимала. За вечер можно успеть многое, а можно ничего. Он как-то быстро и естественно

взял ее за руку. Она не сопротивлялась, но – давай не торопиться. Давай слышать друг друга. Дай мне почувствовать тебя, а ты почувствуй меня. Мне это необходимо, именно сейчас. Быть может, даже сильнее, чем за все предыдущие пять лет.

Редкие пешеходы и велосипедисты на дорожках Елагиного острова. Брызнувший дождик, в детстве такой называли «слепым». Заблестевший и задышавший асфальт. Красные листья под ногами... Почему листья опадают в июне? Звонок сестры из Барселоны – и впервые короткое: «Перезвоню, Маша». Влюбленная пара навстречу. Вы замечали, с каким заговорщическим пониманием смотрят друг на друга проходящие друг мимо друга пары? Найденная скамеечка с видом на Среднюю Невку: главное для любой пары – найти ту самую, одну-единственную, подходящую только им скамеечку, в меру удобную, в меру уютную, в меру скрытую от глаз. Ей нравился его голос – чуть глуховатый, глубокий. Нравилась его обрывочные истории о Неделе театральной педагогики, на которую он приехал. Нравилась возникающие между ними, ничуть не тяготящие паузы. Сергей – красивое имя. Его нужно произносить с хрипотцой, тем самым чуть приглушенным голосом...

Он начал с ладоней – легкие щекотания и поглаживания. Потом перешел к запястьям. Затылок, волосы. Линия бедра. Губы на шее, движения языком, горячее дыхание. Мочки ушей. Она не сопротивлялась. Он потянулся к губам – она увильнула: не торопись. Он сжал ее в объятиях и потянулся снова, она снова увильнула и высвободилась.

Она понимает: хочется все и сразу. И минуты безжалостно тикают.

«Пойдем погуляем!» – она.

«Пойдем..» – он, другим голосом, отстраненным.

Поцеловал в губы он ее уже на траве, тоже на берегу: гулять, брести медленно, опять говорить или комфортно молчать ему совсем не хотелось. Он был тороплив. Она почувствовала обыденность.

Чем больше он целовал ее – в щеки, в губы, тем дальше она отодвигалась. Набежала очередная туча, и под вновь приснувшим дождем ей казалось, что он, склонившийся над ней – рот в рот, жадные руки, – реанимирует ее, а она все никак не желает очнуться. Она вспомнила про Барселону, про то, что надо перезвонить сестре. Он перешел к ногам, снова к бедрам. И только когда он потрогал грудь – запретная зона, – она изогнулась и встала.

«Пойдем?» – она (опасайтесь резко вспыхнувшего очарования, иначе любое неосторожное движение может привести к резкому разочарованию).

«Пойдем...» – он, насмешливо.

С неба полило обильно, и они пошли искать выход из парка, ведущий к метро. Путь до метро предстоял долгий, оттого невыносимый. Говорить о чем-то казалось бессмысленным. Держаться за руки – неприемлемым. Два чужих человека. Он ожидал чего-то большего? Прости, не оправдала ожиданий.

Шли молча: он чуть впереди, она чуть сзади. На распутии двух дорожек остановились.

«Куда?» – спросил он.

Она пожала плечами.

«Стой здесь. А я пойду проверю!» – Он свернул направо.

Она осталась.

Коричневый сарафан промок. Сандалии измазались в грязи. Куда-то исчезли все посетители парка, ни души.

Она не удивилась, когда он не вернулся. И не расстроилась. И даже испытала облегчение: не придется идти до метро, тяготясь присутствием рядом, желая поско-

рее расстаться. И не написал ничего на прощание: тоже лишнее. Возможно, она сделала бы точно так же. К чему условности?

И только оказавшись дома, она вдруг испытала страшную тяжесть и пустоту, как будто ее обманули и по-настоящему бросили. Тяжесть была неподъемна – она пролежала весь оставшийся вечер, не вставая, не ужиная, не раздеваясь, и даже не перезвонила и не ответила на повторный звонок сестры, ограничившись сообщением: «Все хорошо. Жди». Встреча с зачем-то посланным ей Сергеем оказалась не теплым объятием, не торжеством надежды, а черной, жирной точкой, подведшей окончательную черту под всем ее бессмысленным существованием в этом городе. Что и требовалось доказать! Ее вырвало в этот вечер.

Сестра переехала в Испанию три года назад, вышла замуж за барселонца Антонио и уже успела обзавестись двумя детьми. Сначала Антонио прилетел к ней на ее Дальний Восток – не поленился, через полсвета, познакомиться. А потом она к нему – с концами. И сразу вросла в испано-каталонскую землю, точно на ней и родилась: «Я дома, никуда больше не хочу!» Мама к тому времени полгода как жила в Израиле: заманила с собой лучшая подруга, отправившаяся на ПМЖ: «Мы ж дальневосточники, легкие на подъем, поедем, вместе не пропадем!» И мама неожиданно согласилась и уехала с подругой в чужую страну. И быстро нашла приличную работу. И даже, кто бы мог подумать, довольно легко освоила азы незнакомого языка. Был бы жив отец, не скосил бы его внезапный инсульт, глядишь, тоже бы сорвался с насиженного места, падкий на путешествия, молодой до смерти, недаром – моряк (радовался, когда старшая в Петербург перебиралась, а вот до встречи младшей с иностранным женихом не дожил).

Вросла ли мама корнями в почву Земли обетованной – неясно, не знает пока сама. Ясно только, что обратно на Дальний возвращаться не будет: незачем, да и не к кому. Или в Израиле осядет, или к Машке в ее пригород Барселоны переедет, внуков нянчить. В общем, у всех сложилось. Кроме нее. Пока.

Рита знает, что ее ждет счастье на новом месте. За таких там борются, таких ценят, таких убажуют, поливают, как цветок. И дело не в длинных ногах и каштановых волосах, не в миловидном личике, бархатной коже и ласковых губах, не в начитанности и насмотренности. А в том, что она просто женщина.

Рита может с любого отрезка включить пленку своих заграничных воспоминаний, и каждая серия, каждый отрывок, содержащий мужчину, окажется смесью фруктового десерта, белого вина и терпкого аромата, исходящего от горячей шеи, широкой груди, сильных рук.

С каждым годом Европа набирала для Риты обороты, становилась крепче, жарче, оттого невыносимее. При этом только однажды – с художницей Ксенией – она целенаправленно искала флирта, романа, мимолетных отношений – попробовать, понять, сравнить. Это было ее первое путешествие за границу, это была Италия. В последующие разы она не стремилась к знакомствам. Главное – архитектура, музеи, улочки, каналы, не хочется размениваться на мимолетность.

«Итальянцы могут все!» – твердила ее давняя подруга-дальневосточница, перебравшаяся пару лет назад жить в ту же Италию. «Что все?» – смеялась Рита. «Все, никаких запретов!» Что конкретно имела в виду землячка, Рита так и не узнала. Но прошлой осенью, съездив в Милан, она повторила те же слова вслух – самой себе.

Верон возник на городской набережной Милана. Если бы она подростком увидела в своем Хабаровске

такого Верона, то, верно, сошла бы с ума – от его ухоженности, томности и красоты. И все одноклассницы бы потеряли голову. Сейчас она собственную голову контролировала и смотрела на незнакомца, который быстро стал знакомцем, снисходительно.

Она ничего не обещала себе и появившемуся вечером на пороге ее съемной студии итальянцу, – уставшая и пыльная. Он предложил ее проводить. Но ничего не требовал и Верон, а просто, отложив в сторону пакет с вином и сырными лепешками, встал на колени и, усадив Риту на кожаный пуф, снял с нее сандалии (она видела: он держал ее ноги в своих руках так, будто перед ним не пыльные, грязные, загрубевшие от долгой ходьбы ступни с облупившимся педикюром, а цветочные бутоны). А после стал целовать – пальчик за пальчиком, один за другим, облизывая их, омывая слюной, очищая от дорожной налети, проходя языком от стопы к щиколотке и обратно, сжимая осторожно в руках пяточку, заглатывая все пальцы целиком, покусывая их, отпуская. Глядя снизу вверх покорно, не требуя ответной ласки, не призывая к дальнейшему шагу.

Она не сопротивлялась, не стеснялась, не удивлялась – принимая все как естественное. Все так, как должно быть. Нет запретов, нет предрассудков. Она может раздеться и ходить нагая при нем, и в этом не будет бесстыдства и даже намека. Здесь, на этой земле, она чувствовала себя полной спокойной и непоколебимой женской силы. С каждым днем пребывания в Милане силы становилось больше. С каждым визитом в Европу силы становилось больше.

Верон говорил ей: «Ты волшебная, ты завораживающая, ты самая красивая, ты самая!..» И был благодарен, что может держать ее за руку, любоваться узкими чашечками коленок, поить кофе или облизывать пыльные паль-

чики ее ног. Или не говорил ничего, и это молчание было красноречивее любых комплиментов.

Из Миланов, Барселон, Парижей Рита возвращалась в Россию ослепительно красивая, полная силы и тугая, будто понесшая внутри. После приезда какое-то время она ходила пьяная, крепко пахнувшая, слегка тяготящаяся своей полноты и ожидающая чего-то. Но как бы и чего она ни ждала, ничего не происходило. Никогда. Цвета и краски постепенно блекли, цветочный аромат испарялся, а сила вытекала – без остатка.

Всякий раз, возвращаясь в Россию, Рита утешала себя: в этот раз не случится, не повторится! Но спотыкалась рано или поздно на ровном месте – на улице или набережной Петербурга, и плелась после, как раненая собака, к себе в комнату, где сворачивалась клубком в углу и оплакивала себя и свой в очередной раз не родившийся плод.

В школе ей и сверстникам казалось: впереди у них совершенно определенное будущее. У крутых парней обязательно будут шикарные жены. А у таких красоток, как она – скоро, очень скоро – тоже случится что-то совершенно сногшибательное. По крайней мере, глядя на четырнадцатилетнюю или восемнадцатилетнюю Риту нельзя было предположить, что она засидится в девках на ближайшие десять лет. Ее звали в модели после школы – отказалась, выбрала художественный колледж. Да, был парень – встречались два с половиной года, пока жила в Хабаровске. Но тех двух с половиной оказалось достаточно, чтобы понять, что чем дальше, тем больше они говорят на разных языках и дороги у них, кажется, совсем разные: он продолжал изъясняться на школьном сленге, ее тянуло туда, где отчетливо вырисовывались дворцы Петербурга, а за ним маячили не представляемые пока Миланы и Парижи.

За годы жизни в Петербурге с ней познакомились трижды (не считая последнего Сергея). Дважды в метро. И один раз на книжном развале. Первого звали Карась, он так и представился: «Вася Карась». Худой и головатый, как своя фамилия. Инструктор по йоге с мультипликационным голосом. Она не стала принимать ухаживания мультипликационного Карася. «Отчего такой плохонький?» – удивлялась она. А где те крутые – дерзкие, смелые, сильные, – что бегали за ней в школе и непременно грезились в будущем? Она достойна лучших.

Второго пришлось отвергнуть. Хорош, но женат. Увы, увы.

А третий маячил над ней до сих пор, и, кажется, только пересечение границы и оставление за спиной всего, что связано с Петербургом и Россией, могло помочь ей забыть случайную историю под названием «Владимир».

Владимир имел точку на книжном развале в ДК имени Крупской, торговал русской классикой и художественными альбомами. Она покупала и то и другое. Цены у него оказались чуть выше, чем в соседних лавках – на двадцать-пятьдесят-сто рублей, в зависимости от книги, но она не мелочилась, тем более что альбомы у него действительно были стоящие. Подтянутая фигура. Доверительный тон. Выразительные глаза в обрамлении гляцевых обложек довершили свое дело. В первый раз они сходили попить чаю в кафетерий при самом ДК. Во второй прокатились по Неве на катере. А в третий – была не была – она пошла к нему в гости.

Кирпичная пятиэтажка на спальном окраине – он встретил ее у метро «Ленинский проспект» на своей «тойоте». Восемь минут езды под хиты «Авторadio». Душный запах квартиры, ударивший в нос: Владимир, женатый когда-то и имевший где-то дочь, давным-давно жил один. Пепельницы на трюмо. Книги, книги, книги – у входа, у стен,

в шкафах, на полках: запах квартире сообщали сигареты и книги. Ковры на стенах, паласы на полу, тяжелые шторы на окнах, тряпичный абажур – было сумеречно. Покосившийся лаковый шифоньер. Календари, слившиеся с обоями, – за... она рассмотрела: девяносто восьмой, две тысячи третий. Под зеркалом у входа – цепкий глаз художника – банка с советскими монетами-копейками. Диван, застеленный шерстяным покрывалом с тигром. Она вскрикнула: похожий был у бабушки. Музыкальный центр «Айва». Радиотелефон фирмы «Хитачи». Она подняла трубку – из мембраны донеслись забытые гудки. Ящик-телевизор из прошлого века – странно, даже у них в Хабаровске пять лет назад стояла современная плазма. Но – она осеклась – мало ли: любитель старины, букинист, человек, трепетно относящийся к вещам... Владимир обещал показать ей свою уникальную коллекцию бронзовых солдатиков тридцатых-сороковых годов прошлого века, собранную им за двадцать с лишним лет, – солдатики, вероятно, размещались в соседней комнате, замкнутой на ключ.

Под телевизором на полочке расположился видеомагнитофон. Ха-ха – тут уже у нее проснулся интерес к артефактам: видик, как и полагается, был пыльный. К нему прилагались кассеты. Пока Владимир звенел на кухне посудой, она пробежалась по названиям – «Эммануэль», «Крестный отец», «Скалолаз», сборник видеоклипов, домашние записи. Она потянулась к книгам – все тот же набор, что и на прилавке: Бунин, Цветаева, Булгаков, Горький, Андрей Белый, Алексей Иванов. Книги были преимущественно старые, букинистического образца, прошедшие через десятки рук. Интересно, а сам Владимир читает их? Как-то она ни разу не спросила.

Он появился с подносом – вино, виноград, нарезанные дольками апельсины, сыр. Низкий столик на колесиках.

Пойманная на музыкальном центре радиоволна – на этот раз джаз, уже лучше. Вино он открывал элегантно и ловко, хотя признался, что почти не пьет, сегодня исключение. А вот она любит, в основном балуется с девчонками-художницами. Но может и одна, зачем отказывать себе в удовольствии, – вино приводило ее в хорошее расположение духа.

Разговор тонул в сигаретном дыме и мелодиях джаза. О жене и дочери он говорил неохотно, с обидой и пренебрежением. Зато с интересом вспоминал о том времени, когда все начиналось: девяностые, торговые точки – пиво, сигареты, аудиокассеты, челночные рейсы в Финляндию и Польшу, стычки с рэкетирами, модные клубы, бурные года – у него горели глаза. Тогда же он приобрел первые экспонаты коллекции солдатиков: мечта детства, да и просто отрада в череде трудовых будней. Тем более в те годы достать редкие экземпляры любого антиквариата было легко – сами в руки текли. «Время первоначального накопления капитала, в том числе для отечественных коллекционеров». Тогда же появились книги – одна точка, другая. А теперь... остались только книги. «Хлеб», – усмехнулся он.

- А ты читаешь их? – Она окинула взглядом комнату.
- Ах ты, моя дорогая! Я уже все давно прочитал.
- А, – кивнула на видеокассеты, – их смотришь?
- Их, – он приобнял ее за талию, – смотрю.
- А что там твоя коллекция?
- Коллекция, – у него вновь загорелись глаза, – на десерт.

Потом были танцы: они топтались на ковре в центре комнаты, стараясь не задеть столик с вином, диван, шифоньеры. Поцелуи: губы протянула она – он, кажется, до сих пор пребывал в своих девяностых. Неловкие лобызания, от которых все никак не могла зажечься спичка.

Рита поймала себя на мысли, что инициатива исходит от нее. Она решила не останавливаться: природа, а вместе с ней любопытство – что будет дальше, брали свое. Она чувствовала себя старше, опытнее Владимира, который к тому же, когда подошло время, как-то чересчур долго и стыдливо стягивал с себя джинсы, а потом трусы. «Ну что же ты, мужик?» – шептала она, глядя на распростертое под ней бездеятельное тело: выразительные глаза чего-то ждали, а с ними ждал и торчащий из куста шерсти дрожащий член. Ждали и требовали.

Она изнасиловала его, дав выход накопившемуся за несколько лет напряжению, – он возился, раздавленный, внизу, о чем-то просил, что-то опротестовывал (она расслышала – «Не так»). «Все так!» – ее душил смех, и пик пришел вместе со взрывом смеха (с ее хохотом откуда-то из-за штор на пол обрушилась россыпь видеокассет). Она так и не поняла, кончил ли он. Плевать, не волновало! Подхватив одежду, она убежала в ванную и хохотала еще долго – от нелепости произошедшего, от неожиданной себя, от проснувшегося пыла, от задурманившего голову вина. Смеялась она и когда обувалась на пороге, и когда видела его, вопросительного и обиженного, в махровом халате, – отчего она раньше не замечала, как он жалок? Махнув сумочкой, она смела нечаянно с трюмо банку с советскими монетами. «А-а!» – закричала она и, хлопнув дверь, выскочила вон из квартиры.

Владимира Рита больше не встречала и в ДК Крупской за книгами и альбомами больше не ездила. Первое время вспоминала о нем со смехом: «Пришла, увидела, победила!» И не расскажешь никому из подруг, а так хочется... А потом пришел страх. Годы идут, а ничего не меняется. Можно себя утешать профессиональными достижениями – она мастер, каких в Петербурге мало, но к чему все эти миниатюрные картины и ногти изо дня

в день, к чему? Не успеешь оглянуться, как тебе настанет тридцать, а затем тридцать пять, а затем... При мыслях о грядущих цифрах ее прошибал пот. Красить ногти, накопить на собственное жилье, периодически выбираться за границу, возвращаться и снова и снова ждать у моря погоды? Проснуться однажды и найти себя в подернутой пылью комнате, с седыми локонами, с полками, набитыми классикой и художественными альбомами?

Где сейчас Владимир? В книжной лавке? В кафетерии за столиком в окружении бетонных колонн? На гигантском торговом развале у станции метро «Удельная», где тусуются старьевщики и коллекционеры, желающие в этом море вещей выловить, как золотую рыбку, очередную ценную находку? Дома среди банок с копейками, покосившихся шифоньеров и старых воспоминаний? Яичница на завтрак, пельмени на ужин. Кофе, сигареты. Мелодичные гудки из мембраны кнопочного радиотелефона: может быть, он звонит по нему в прошлое? Или ждет, когда ему позвонит повзрослевшая дочь? Липкое тело. Родинки, напоминающие сыпь. Стоящий по утрам бесполезный член. Прокисшая сперма. Разбросанные носки. Немытая посуда. Нагромождения усталых книг. Тикающие по ночам часы...

Владимир стал олицетворением ее возможного будущего. Молоточком, бьющим по виску: «Смотри, смотри!» Особенно крепко он бил ее по ночам, во время нечаянных пробуждений. «Год назад я точно так же лежала одна в постели, зажав подушку между ног. – Рита глядела в темноту распахнутыми глазами. – Почему ничего не меняется, почему?!»

Знакомиться на улицах сама она не умела и не желала. Да и не к кому было подходить. Она ехала по эскалатору метро и смотрела на противоположную линию: девочки, девушки, женщины, старушки, худые, толстые,

красивые, безликие, усталые, задумчивые, пересекающиеся с ней взглядами. Женского пола было неприлично много, метро кишело женщинами. Среди мужского пола преобладали мальчики, походившие на студентов, они были одинаковы на лицо, тонки, беззаботны и совсем не производили впечатления взрослых мужчин. Изредка попадались Караси. Изредка – Владимиры. Совсем редко – Сергейи. Вероны не попадались никогда. Иностранцев-мусульман как мужчин она во внимание не брала: природа отвергала их на самых дальних подступах.

Иногда в метро вваливались отряды курсантов-военных, и тогда она чувствовала что-то похожее на восстановление нарушенного природного баланса и старалась оказаться в центре униформенной мужской массы, посмотреть на них вблизи, уловить их запах, послушать их басовитые голоса, полюбоваться их улыбками, испытать нечаянный трепет, почувствовать собственную податливость и слабость, соприкоснуться с ними – шершавыми и твердыми – рукой, спиной, бедром. Однажды она оказалась затертой в толпе зашедших солдатиков-срочников – в полушубках, шапках-ушанках, сапогах, с вещмешками за плечами, едва ли не перепоясанных шинелями, будто едущими в вагоне метро на самую войну. Она – цепкий глаз – принялась рассматривать мальчиков-солдат – крупных и малых, русских и нерусских, и отметила, что все они красивы, все румяны, и все – мужчины, и пахнет от них хорошо, и беспокойно и спокойно рядом с ними, и хочется обнять их, и сказать что-то важное, и поблагодарить за что-то, и даже заплакать хочется, и очень не хочется их отпускать; солдатика – зеленая река – вышли через две станции, опустошив вагон, оставив после себя ощущение прогремевшего грома, освободив место навалившейся обыденности.

Рита вглядывалась дома в зеркало и задавала себе вопрос: почему? Она покупала нарядные платья, душилась новыми парфюмами, экспериментировала с прическами, но ничего не менялось. Мужчины ей улыбались, ею любовались, но – ничего не менялось. «Сделайте что-нибудь!» – хотелось ей закричать временами – в метро, на улице, в кафе, где люди обтекали друг друга, стараясь не задеть, не посмотреть, не сказать. Она зарегистрировалась на сайте знакомств, но, получив в первый же день пять непристойных предложений плюс видео с мастурбацией (процесс подкреплялся комментариями с использованием ее имени), удалилась, поняв, что ошиблась адресом. И долго потом – несколько дней – не могла избавиться от ощущения, что испачкалась, и с подозрением и брезгливостью косилась на молодых людей вокруг...

Довелось ей однажды побывать на интимной вечеринке. Позвала однокашница по Мухе Алиса. Такие вечеринки Алиса проводила сама, проводила давно – еще с академии. На них, как объясняла подруга, девушки и парни общались и стремились «лучше понять друг друга». Начиналось все когда-то невинно – просто с откровенных разговоров. Но постепенно к словам прибавились действия. Риту приглашали и раньше, но она отмахивалась: на эти встречи собирались в основном неопытные, а то и нецелованные, как ей казалось, студентки, часто неказистые, ей-то – красивой и взрослой – что там делать? А тут согласилась. Посидит, послушает, может, что-то поймет – про себя и про противоположный пол. А то и познакомится с кем-то. Не самое, конечно, оптимальное место для серьезных намерений. Но, как и с сайтом, лучше попробовать.

Поняла ли Рита что-то важное, узнала ли что-то новое? Алиса и приглашенные говорили о «недостатке тактиль-

ного контакта у современного человека», о «чрезвычайной важности этой базовой потребности» – и Рита соглашалась. После обсуждения все по желанию могли обнажиться и трогать друг друга. Хозяйка и ее муж (Алиса нашла своего будущего мужа на этих самых вечеринках) трогали друг друга, глядя на остальных, а потом муж попытался осторожно потрогать Риту, но та отодвинулась и сказала: «Нет». Среди мужского пола имелись еще коротыш в узких шортах и худой, стручковатого вида, юнец – оба походили на студентов той же Мухи. Девушки-девочки, числом три, отличались нелепостью и нескладностью, при этом, отметила Рита, они были не в пример более свободные и смелые, чем она сама. Коротыш взял за руку одну из девочек и куда-то увел. Стручковатый юнец, стоящий в центре комнаты, разделся, оставив на себе только серые гольфы. Взбухший член его на фоне хилого тела казался огромным и напоминал не выросшую в полный рост третью ногу. Все три ноги его трогали пальцами две оставшиеся девочки, а он, стоя на месте, ласкал их руки и плечи.

Рита испытывала тяготение: она все увидела, достаточно. Ей хотелось забиться в угол, а лучше исчезнуть. Что прикажете делать: рассматривать мальчишку в гольфах с впалыми ягодицами, любоваться соприкосновением языков двух девочек, глазеть на раздевающихся мужа и жену? Куда ты забрела, дорогая? Куда тыкаешься? Отчего заблудилась, где свернула не туда? Да, ей не хватает тактильного контакта, это так. Ей не хватает, возможно, смелости и свободы. И чего-то еще важного, что никак не ухватить. Спасибо! Но можно она уйдет? Она тяжелая, громоздкая, лишняя здесь...

Вернулся взмокший коротыш, без тугих шорт, но с коротким тугим членом, и, расположившись на ковре, не спеша трогал белые животы и попы двух девочек, щу-

пал мошонку юнца. Муж Алисы поднялся и исчез за дверью, из которой вышел коротыш. А рядом с еле осязаемой в полумраке Ритой села Алиса и гладила нежно шею Риты и затянутые в огромные джинсы ее длинные ноги. А потом обняла крепко-крепко. И Рита, недвижимая до сих пор, поняла, что может снова ходить и говорить. И ушла.

Решение пришло ночью – во время одного из тех пробуждений, когда видишь себя вдруг во всей наготе, когда подушка зажата между ног и волосы на голове шевелятся от осознания чего-то самого важного, того, что днем неразличимо или намеренно избегаемо.

«Погибну, – стучало в голове. – Нет смысла тешить себя, погибну!»

Ждать, искать, высматривать, кричать «Сделайте что-нибудь!», ходить в кафе или на интимные вечеринки, записываться на женские семинары «Как найти своего единственного» (план на ближайший месяц)... Хватит! Не докричишься, не достучишься. Пробовала, не работает. Гарантия – пять лет!

Завтра, дорогая, не забудь перед сном завести будильник на восемь ноль-ноль и поставить телефон на подзарядку. И сказать себе: спокойной ночи.

Дело не в ней – какая бы она ни была капризная, требовательная, категоричная, чувствительная, не совсем смелая, не совсем свободная. Дело в том, что где-то по какой-то причине сместился центр тяжести и нарушен оказался баланс, и не востребованы стали в ее городе и ее стране девушки с длинными ногами и длинными волосами, и с недлинными ногами и с недлинными волосами тоже, и глядят они по ночам тоскливо в темноту, и глотают слезы. И либо смиряются. Либо...

Она села на кровати и поняла, что победила. Озарение оказалось сокрушительным. Она четко увидела себя

на много лет вперед. И там она была не в душных петербургских стенах, не в узких серых дворах, не среди пересекающихся женских взглядов в вагоне метро.

Она включила свет и, несмотря на ночь, вышла на кухню заварить себе кофе. Вышла голая, не боясь встретиться в общей кухне кого-то.

«Погибнет, говорите, погибнет? – Она стискивала зубы, ломая спички. – Сволочи, гады, мерзавцы!..»

На следующий день позвонила сестре и матери. Через три недели сообщила на работе, что увольняется. Еще через неделю купила билет в один конец на сайте испанских авиалиний.

Рубить надо нещадно, не жалея, одним махом. Как вы с ней – так и она с вами. Не востребована оказалась, не нужна, обречена на гибель? Хорошо, она освободит место. Но забудьте тогда о ней навсегда. Как она забудет о вас. Она, наверное, другой породы, не предназначена для жизни и размножения на этой почве.

Отсекать нужно смело, не боясь повредить корни, потому как засохли корни давно, лишённые живой влаги. Сказки, песни, березки – хватит лелеять то, что не имеет будущего. Отсекай без сожаления, дабы не давило, не тянуло обратно, туда, где царствует смерть, где косит направо и налево... Русские поля, русские леса – задушили ее своей необъятной тоской и безлюдьем русские леса и поля. Родная сторонка, родной город – прощай, не увидимся больше, незачем!

Простит ли она за годы, лучшие годы, проведенные вхолостую, выброшенные впустую, без малейшего намека на счастье? Нет, не простит ничего. Слишком дорого, слишком ценно. Она готова была отдать все, она тянула руки, пела песни, ждала, выкликивала. Она не желала уезжать, она искала, она надеялась. Ей нужно было всего ничего – одного-единственного, больше не требу-

ется! Единственного, которого она обнимет и не отпустит. За мизинец которого будет держаться ночью, лежа в темноте с открытыми глазами, представляя с ужасом: а если бы не встретились? Вместе с которым они поедут в любую страну и вместе с которым она впервые не будет обращать внимания на кафе, улицы и галереи – разве это главное? Который (он, и никто другой) скажет ей те самые слова: «волшебная», «завораживающая», «единственная»...

Разве она многого просила?!

Самолет набирал высоту. Она не смотрела в окно, не желая соприкоснуться с тем, что доставило столько боли. Оставьте ее, не прикасайтесь, не вспоминайте.

«Куда не вернусь я никогда!»